

Лидия Алексеевна Чарская

Желанный царь

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-311.6

ББК 84-4

Лидия Алексеевна Чарская

Желанный царь / Лидия Алексеевна Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 114 с.

ISBN 978-5-4241-1404-5

Эта книга в увлекательной приключенческой форме повествует о событиях, предшествующих воцарению юного государя Михаила Романова.

В истории государства Российского был уникальный период, когда сложилась симфония верховной власти - духовной и светской, и юный царь Михаил правил державой вместе со своим отцом, Патриархом Филаретом.

Но до избрания на престол в 1613 году юного Михаила его семья вместе с Русью православной пережила тяжкий период Смутного времени.

С тех пор прошло без малого четыреста лет, но и сегодня, в новое смутное время, события, происходящие на нашей русской земле, созвучны тем, далеким...

ISBN 978-5-4241-1404-5

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Лидия Алексеевна Чарская
Желанный царь

Часть I

Невинно осужденные

Глава I

Весна в 1601 году стояла ранняя и теплая на редкость! Яркое солнце, щедро оделяя майскими лучами землю, заглянуло поздним весенним утром в огромный, густо разросшийся сад романовского подворья, находившегося в центре Москвы, по соседству с Чудовым и Вознесенским монастырями.

Молодая весенняя листва — клейкие листочки лип и кленов, нежные, бархатистые белостволых берез и вязущие черемухи — успела покрыть густыми шапками высокие и могучие деревья сада.

Там, где два старика дуба протягивали друг к другу свои мощные ветви-руки, висела широкая доска качелей. Целая толпа сенных девушек с веселым шушуканьем и смехом теснилась вокруг нее. На утлой доске, по обе стороны дородной мамы-пестуни, сидели двое хорошеньких и румяных детей. Восьмилетняя девочка, русокудрая, голубоглазая, в атласном, богато расшитом по голубому полю шелками и жемчугом летнике, и пятилетний мальчик, кудрявый, темноглазый, с необычайно кроткой и ясной улыбкой пригожего детского личика, в нарядном, отделанном бурмицкими зернами по вороту и запястьям кафтане, однорядке, в шегольских сафьяновых сапожках и в богатой шапке поверх мягких темно-русых кудрей. Две девушки, одна рослая, статная шестнадцатилетняя красавица, отдаленно похожая чертами лица на детей, в дорогом летнике пунцового шелка, в легком, подбитом камнями девичьем венце с пестрыми лентами, спускавшимися чуть ли не до пят, наравне с тяжелой русой толстой косой, стояла на одном конце качелей, другая, судя по скромной одежде — сенная девушка, на другом.

С веселым смехом они раскачивали доску, то и дело поддавая ее, к немалому страху и смятению дородной мамушки.

— Ай! Побойся ты Бога, боярышня Настасья Никитична, — взывала от страха несчастная мамушка, — уморишь, как есть уморишь и боярчат-племяшей своих, да и меня, холопку верную... Ой, буде! Богом тебя молю, боярышня! Ой, помру. Ей-ей, помру! Остановись, Христа ради, боярышня!

— Ха-ха-ха! — залилась на это звонким смехом проказница Настасья Никитична, а за нею и Таня с Мишей (так звали сидевших подле мамы детей). — И не стыдно тебе бояться, мамушка? Качели не струг на озере, не потонешь небось!

— И то не потонешь, госпожа мамушка! — тихонько поддакнули сенные девушки, боясь, однако, громко смеяться над нянкой-кормилицей маленьких боярчат, главной холопкой боярского женского терема.

— Не потонут, конечно, а зашибиться все ж могут Танюша с Мишенькой... Да буде же, буде, боярышня! Того и гляди, перевернется доска. Какой ответ тогда давать мне боярину Федору Никитичу да боярыне Ксении Ивановне? — не унималась толстая мамка, прижимая к себе обоих детей.

— Ай да Кондратьевна! Небось за боярчика своего да за боярышню дрожмя дрожись, а обо мне, горемычной, и не кручинишься! А поди-кась и я небось не из воска ярого слеплена, упаду, зашибусь вас всех не менее! — смеялась Настасья Никитична, к немалой потехе обоих деток, бесстрашно поглядывавших из-

под рук мамушки на быстрые взмахи качельной доски. Малютка Миша так и заливался серебристым смехом, вторя своей голосистой молоденькой тетке и сестре.

— Ну, буде! Полдничать скоро позовут, — решительно заявила Настя и, взметнувшись еще раз под самый шатер высоких дубов, ловко спрыгнула наземь, сильной девичьей рукою удерживая качель. Потом неожиданно подбежала ко все еще не успокоившейся мамушке, выхватила у нее обоих детей и с тем же веселым, залихватским смехом, ухватив их за руки, стрелою помчалась с ними через зеленую садовую лужайку.

— Лови нас, мамушка! — звонко крикнула она, задыхаясь от смеха.

— Ишь, затейница! Ишь, проказница! — забубнила дородная мама, семена за убежавшими своей утиной походкой вперевалялочку, в то время как сенные девушки тихонько фыркали, закрываясь узорчатыми рукавами рубах.

Они бы и сами с наслаждением порезвились и потешились по примеру их общей любимицы, боярышни Настасьи Никитичны, да строгие глаза мамы, не дававшей поблажки никому из меньшей холопской братии, невольно приковывали их к месту.

Поневоле приходилось сдерживать себя и чинно выступать по тропинке, заvistливо поглядывая вслед убежавшим.

Вот они завернули за группу деревьев, вот мелькнул яркий летник боярышни, вот взметнулись пестрые ленты ее девичьего венца, и молоденькая проказница вместе с малютками-племянниками скрылась мгновенно за смородиновыми и малиновыми кустами, разросшимися целым лесом в дальнем конце огромного романовского сада.

— Ау! Ау! Ищите нас! — послышались оттуда звонкие голоса Настасьи Никитичны, Тани и Миши.

И веселый серебристый смех зазвенел оттуда...

— Ах, как тут хорошо на воле, в этом зеленом уголку!

С тем же веселым смехом Настя бросилась на молодую весеннюю травку, увлекая за собой детей.

Солнце горячими полуденными лучами проникало в это тихое царство зелени развесистых пышных ветвей. Кузнечики весело трещали в свежей мураве. Пестрые бабочки порхали над белыми нежными подснежниками, мелькавшими здесь и там своими скромными глазками. А над высоким частоколом виднелись золотые маковки ближнего Чудова монастыря.

— Ай да и славно же здесь, племяши! Уж так-то славно да привольно, что и сказать нельзя! — вырвалось счастливыми звуками из груди боярышни, и она в избытке чувств обняла и притянула к себе обоих детей. Те ластились и ласкались к молоденькой тетке, как маленькие котята. Они любили свою веселую красавицу Настю, бедовую на потешные выдумки и на всякие игры, «красное солнышко» романовских палат, как все прозвали ее на подворье.

Но вот насторожилась Настя. Красивое румяное личико девушки стало серьезней. До ушей ее ясно долетели чья-то умышленно приглушенная речь и шорох шагов по ту сторону частокола, к которому прилегли задние службы и мелкие строения Чудова монастыря. Любопытная, как и все теремные затворницы того времени, Настя, наскучившая среди однообразной жизни в тереме, жадно ловила всякие впечатления, доходившие до нее извне. Поэтому, приложив

палец к губам и наскоро шепнув племянникам: «Тише! Нишкните! Смирно сидите, детушки!» — быстро поднялась на ноги и, крадучись, легко и неслышно подбежала к частоколу.

Здесь находилась небольшая земляная лавочка-насыпь в виде приступки. На нее легкой птичкой вскочила боярышня и, приложив ухо к небольшому отверстию между зубьями частокола, замерла на месте, снедаемая любопытством.

Сначала ничего не было слышно. Раздавались только тихий шелест раздвигаемых кустов за забором да осторожные шаги двух человек. Но вот странно знакомый Насте голос произнес почти шепотом:

— Вот здесь побеседуем, друже. Место пустынное. Ни единая душа не услышит. А за частоколом дальняя часть сада бояр Романовых. Заросли ягодные. Туда никто, окромя как посередь лета, пока ягода не поспеет, и не заглядывает. Мне это доподлинно ведомо, потому как я, восемь годов тому будет, и в саду ихнем, и во дворе кажинный день свой человек был. От боярина князя Черкасского, Бориса меня здешний боярин взял в холопы, потому книжной грамоте я зело приучен...

«Кто это?» — невольно возник вопрос в голове Насти, и она, поднявшись на цыпочки, заглянула за высокий частокол.

Но, кроме черной монашеской скуфьи и низкой круглой шапки, какие носят молодые дворяне да дети боярские, она ничего не могла разглядеть.

«Один чернец, другой мирянин! — произнесла мысленно девушка и, снова замирая на месте, приготовилась внимательно слушать того, чей голос казался ей до странности знакомым и сейчас. — Ведь если он служил здесь на подворье у ее брата, боярина Федора Никитича Романова, стало быть, и голос его мог запомниться ей», — думала она.

Это обстоятельство, однако, мало заинтересовало Настю. Гораздо более поразило ее то, что говорил второй собеседник. Другой голос трепетно возражал:

— Потерпи малость, скоро наступит время, пробьет твой час, и сбросишь с плеч своих ты сию убогую власяницу и облечешься в виссон и пурпур, приличествующие сану твоему.

— Наступит время! Пробьет мой час! Да когда же, когда, друже! — пылко, но все тем же сдержанным шепотом прервал его собеседник. — До кой поры проклятый убийца все еще будет царствовать и губить людей, верных слуг отца моего? Где Вельский Богдан? В ссылке. Где Мстиславский? Погиб, помер по милости того же Бориса... Все верные слуги покойных отца и брата Федора поперец дороги ему стали... И не будь у меня добрых друзей, не приспей они в Углич вовремя, быть мне зарезанному заместо поповского сына, погребенного под именем Димитрия-царевича... И еще много жертв загубит Борис невинных, прежде нежели пробьет час вступить мне, прирожденному царевичу, на прародительский престол.

— Возьми на время терпения, царевич. Ждал дольше. Невесть Бог, сколько осталось подождать. Дай покончить с делами, подготовить людей за рубежом, где до поры до времени тебе укрыться придется... А там соберутся добροхотники, держальники твои, и открыто пойдешь ты во главе собранных дружин добывать престол московский. Верь, царевич... Денно и ночью пекутся друзья твои о тебе... Денно и ночью, блюдя тебя из отдаленья, трудятся во славу твою, нашего прирожденного законного царевича Димитрия...

— Царевича Димитрия! — чуть слышно, с недоумением прошептали губы Насти, ошеломленной и взволнованной всем слышанным. Какой такой царевич? Откуда взялся он? Знает она, Настя, одного законного и прирожденного царевича, царского сына, сына царя Бориса, юного Федора, которому, как и царю Борису, служат ее братья, ближние бояре Романовы...

Но то Федор, а это Димитрий! И какому царю грозит он проклятием? И на какой престол сулят посадить его, этого незнакомца, его приспешники? Да и статочное ли это дело, чтобы простому холопу или чернецу сделаться царем?

Девушка совсем растерялась от десятка новых мыслей и непонятных догадок, нахлынувших в голову.

Сильно заколотилось ее сердце. Пылали нежные щеки, а трепещущие руки бессознательно теребили концы лент девичьего венца.

Между тем снова заговорил знакомый голос за частоколом, заговорил шепотом, едва слышно выговаривая слова:

— Нонче Семен Годунов, ведомо мне, рвет и мечет в бессильной злобе на родичей моих, на бояр Романовых. Простить не может, что Федор Никитич из бояр боярин, в думе ближе всех заседает к Борису, да Александр Никитич из окольничих в бояре назван, а он, царев дядя, с коих пор в окольничих ходит... Да и романовская казна не дает покоя годуновцам. Того и гляди, под опалу подведут моих бояр!

Последние слова словно ножом полоснули по сердцу Насти. Она пошатнулась от волнения, схватилась за острые колья забора, но не удержалась и с легким шорохом спрыгнула на землю.

В тот же миг прервалась беседа за забором, и слышно было, как за частоколом поспешно удалялись мужские шаги.

Бледная и встревоженная, кинулась к детям боярышня и стала торопить их домой.

— Идем, идем, детушки! Небось мамушка Василиса Кондратьевна натерпелась страха, нас ищущи. Поспешаем, ребятушки! Гляньте-ка, и солнышко высоко стало... Ин как раз и полдничать время! Ау, мамушка! Ау, девушки! — позвала она звонким криком, разлившимся на весь сад.

— Ау-ау! — послышалось ответным криком из густой заросли смородиновых и малиновых кустов, и через минуту-другую просунулась пестрая, шитая шелками кика мамушки, и замелькали оживленные лица девушек, открывших, наконец, убежище своих молодых господ.

И гурьбою, подхватив на руки боярчат, все двинулись к дому.

Глава II

Родственники московским государям по бабке великого князя Ивана III, Марье Голтыевой-Кошкиной и по отцу приходясь родными племянниками первой супруге Иоанна Грозного, Анастасии Романовне, из рода Захарьиных-Романовых-Юрьевых, бояре Романовы считались по роду своему, знатности, положению и богатству едва ли не первыми вельможами на Москве.

Род бояр Романовых происходил от Андрея Кобылы, известного московского боярина времен Симеона Гордого. Из ближайших потомков этого Андрея Кобылы особенно возвысился один из внуков его, Иван Федорович Кошкин, любимец и ближний человек Московского великого князя Василия I. Сын его Захарий

положил начало целому роду. Потомки его получили фамилию Захарьиных-Юрьевых. Два сына Захария были при дворе великого князя Василия III; старший Михаил — одним из его самых приближенных бояр, младший Роман — окольничим. Великий князь и царь всея Руси, Иоанн IV Васильевич (Грозный) был женат на дочери этого окольничего Романа Юрьевича, Анастасии. И весь род Романа Юрьевича со времени Иоанна IV стал называться: Романовы-Захарьины-Юрьевы, или просто Романовы.

Брат царицы Анастасии Романовны, Никита Романович, состоя в близких боярах, пользовался особенным уважением и любовью Грозного-царя. Родственная связь с царским родом и добрая слава, которую завоевали себе как сама царица Анастасия, отличавшаяся добрым нравом и голубиною кротостью, так и брат ее Никита Романович, не раз отводивший гнев царя в страшную минуту и умевший хорошо влиять на горячий и крутой нрав молодого еще Иоанна Грозного, создали особенный ореол народной любви и преданности всему романовскому роду. Недаром в народных песнях и былинах отводится почетное место Никите Романовичу за его добрые дела и заступничество за опальных перед царем.

После смерти Анастасии Романовны брат ее не перестал быть ближним к царю лицом, хотя и не принадлежал к числу царевых любимцев опричников. Как велико было доверие Иоанна к Никите Романовичу, видно из того, что, умирая, Грозный-царь назначил опекуном своему сыну, слабоумному, неспособному в делах правления Федору-царю, того же Никиту Романовича.

Но царский шурин немногим пережил своего владыку. Разбитый параличом, Никита Романович на смертном одре заклинал входившего тогда в силу боярина Бориса Годунова беречь оставшихся после него сыновей, Никитичей, как их называли тогда в Москве. Их было пятеро молодых богатырей-красавцев: Федор, Александр, Иван, Василий и Михаил. Особенным расположением юного царя Федора пользовался старший, Федор, тезка и ближний человек к царю.

Не было более образованного, умного и видного человека на Москве в то время. Отличаясь особенной начитанностью, Федор Никитич сумел изучить даже латинский язык, что являлось тогда величайшею редкостью в среде московских бояр. Обладая прекрасною величавою наружностью, Федор считался в то же время первым щеголем на Москве. Его наряды резко отличались от безвкусной одежды современных ему москвичей. Все было ловко подобрано и сидело как на картине на этом статном, величавом красавце. К тому же он обладал поразительным даром слова, так мало присущим его современникам. А его щедрость и доброта, унаследованные от отца, привлекали к нему сердца окружающих.

Ходил слух по Москве, что умирающий бездетный Федор Иоаннович хотел передать престол своему двоюродному брату по матери Федору Никитичу Романову, после того как царевич Димитрий, брат царя по отцу от брака Грозного с царицей Марией Нагих, был предательски зарезан в Угличе. Но ближний боярин Борис Годунов, целым рядом интриг и козней, сам добился престола, перешагнув через труп угликого убитого царевича, зарезанного, как утверждала народная молва, подосланными им же самим убийцами. Но слишком популярны и любимы были в народе бояре Романовы, Никитичи, чтобы не считаться с ними новому царю, не прирожденному, а посаженному на царство горстью бояр и собором. И

с первых же дней своего владычества Борис понял это и всячески отличал Никитичей. Он пожаловал боярство Федору и Александру, и они заседали в его государевой думе. Михаила Никитича назначил окольным. Одной из сестер Романовых, Ирине Никитичне сватал своего племянника. Но тайный страх перед популярностью, родовитостью и силою этих первых вельмож-бояр гвоздил и точил душу Бориса, неродовитого, незнатного потомка татарского мурзы Четы, гораздо менее достойного престола, нежели Никитичи, родственники московских владык.

Глава III

«Беспреренно все слышанное братцу Феде пересказать надо!» — спешно шагая по дороге к хоромам, мысленно твердила Настя, и то и дело хмурилось ее обычно веселое, подвижное, румяное личико.

Между тем в просторной, светлой стольной избе богатых романовских палат в ожидании полдника шла обычная предобеденная суета.

Тяжелые дубовые столы, покрытые белоснежными, с камчатными узорами скатертями, ломились под тяжестью серебряной посуды, тарелок, чарок, ковшей и бражниц, обильно покрывавших их.

Редкий день выпадал в году, чтобы не наезжало гостей видимо-невидимо на романовское подворье к боярину Федору Никитичу, славившемуся на всю Москву-матушку своим удивительным радушием и хлебосольством. А если даже и выпадал такой редкий день, то гостей заменяла ближняя родня хозяев: братья, родичи и свойственники боярина с их семьями, охотно собиравшиеся к столу у Федора Никитича. А их было немало: сами Никитичи, князья Черкасские, один из которых был женат на старшей из сестер Романовых, Марфе Никитичне, князья Сицкие, Репнины, Салтыковы, свойственники по супруге боярыне Ксении, или Аксинье Ивановне из рода Шестовых, Шестовы, Карповы и другие.

На несколько десятков мест поэтому обыкновенно собирали холопы, во главе с дворецким и боярским ключарем-казначеем, верным Сергеем, обеденный стол в стольной избе.

Расторопная челядь, уставлявшая столы серебряной посудой и утварью, не забыла покрыть и новыми, червчатого атласа, поволошниками с золотой каймой и гривкой скамейки-места для гостей, поправить теплящиеся огоньки лампад у божницы в красном углу стольной горницы и до блеска протереть серебряное паникадило, спускавшееся с потолка на массивной цепи, гайтане. При дневных трапезах его обыкновенно не зажигали, так как свет и солнце беспрепятственно проникали в слюдовые, хитро размалеванные оконца боярских хором. И в блеске этого солнышка особенно ярко сверкала драгоценная серебряная утварь на столе и поставках. Не менее ярко освещало солнышко и стены горницы, разукрашенные поверх суконных тисненых обоев картинами, изображающими всякие действия из библейской истории.

На заморских, вывезенных из Неметчины, часах, стоявших на высоком поставце в соседних со стольной горницей сенях, отбило мерным звуком двенадцать ударов.

— Едут! Едут! — маша шапкой, закричал на бегу молоденький челядинец, бросаясь от ворот, у которых сторожил появление боярского поезда.

В тот же миг вся засуетившаяся челядь метнулась к воротам.

В конце улицы, у крестца, показалась группа всадников. Впереди всех на гнедом Карабахе ехал в нарядной одежде — терлике и в невысокой шапке — ближний боярин и думец, главный хозяин романовского подворья и представитель этого знатного рода, Федор Никитич.

Он казался много моложе своих пятидесяти трех лет. В его величаво-красивом лице с темно-русой, едва тронутой сединой бородкой, которую он подстригал по европейскому обычаю, в темных, проницательных, полных ума и энергии глазах теперь сказывалась какая-то тревога.

За ним ехал верхом второй брат его, тоже думский боярин, Александр Никитич. И у добродушного на вид, второго Никитича те же следы немалого волнения и тревоги сказывались во всем. Да и следовавшая за старшими Романовыми молодежь, младшие братья, красавец богатырь Михаил, недавно произведенный из стольников в окольничие, о физической силе и чисто русской красоте которого говорила вся Москва, Василий и Иван Никитичи с князьями Черкасскими и братьями Сицкими да с дворянами Шестовыми, их родственниками и свояками, были тоже как будто не в себе в это теплое по-летнему, ясное утро начала мая.

Без обычных шуток, веселых бесед и громкого говора прискакали нынче на подворье бояре и их гости, спешили у высокого рундука, бросив поводья на руки челяди, и следом за хозяином дома прошли в стольную избу.

— Наши вернулись, и с гостями! Да не веселы что-то. Ой, чуёт лихо сердце мое! — произнесла, выглядывая в окно женской половины боярского терема, сама молодая боярыня, Ксения Ивановна, из рода Шестовых, чернобровая, белолицая женщина лет тридцати, с небольшим, решительным умным лицом и быстрыми, смелыми, энергичными глазами, жена старшего Романова, Федора Никитича.

— И полно беду накликай, невестушка! — произнесла княгиня Марфа Никитична Черкасская, старшая сестра Никитичей. — Вернулись наши соколы поздорову, сама ведаешь, а што невеселы, так с устатку это. Небось не легкое дело в думе государевой заседать. Да вдобавок по нынешним временам, когда, кроме как на родичей своих Годуновых, царь и глядеть ни на кого не хочет, только их и слушает, им только и доверяет... им одним.

— Полно, сестрица, — вмешалась в беседу двух боярынь молодая жена Александра Никитича, боярыня Ульяна, — ведь и мы по свойству царю нынешнему не чужие, с тех пор как сестрица Ириша за племянника выдана царского.

— А все же, сестрицы, чуёт мое сердце, — снова с легким вздохом произнесла Ксения Ивановна, — недолюбливает наших бояр царь Борис.

— Тише! Детки с Настею да мамой сюды идут! — произнесла княгиня Марфа и бросилась навстречу племянникам, которых, будучи сама бездетной, любила как собственных детей.

— Видали! Видали, как батюшка с дядями прискакал на аргамаках! Ходко таково! — весело лепетал Миша, минуя тетку и бросаясь в объятия матери, пряча оживленное, раскрасневшееся личико в складках ее богатой и нарядной телогреи.

— Родимый ты мой! — ласково шепнула молодая боярыня, прижимая к груди своего ребенка, и несколько твердое, энергичное выражение ее красивого, полного лица озарилось невыразимым выражением любви и нежности материнства, а полные затаенной тревоги глаза прояснились сразу и засияли светом го-

рячей нежной любви.

— Сокровище ты мое! — непроизвольным шепотом соскользнуло с ее румяных уст, улыбавшихся теперь малютке-сыну блаженной улыбкой. Он был ее радостью и утешением, самым первым и лучшим из сокровищ романовского подворья, он и голубоглазая сестра его Таня. Троих, Бориса, Льва и Никиту, старших детей, Федор Никитич и Ксения Ивановна схоронили еще младенцами, четвертого, грудного мальчика, потеряли недавно. Зато эти двое выжили и подросли на утешение и радость родителям и близким.

И теперь, позабыв недавние тревоги, мать ласкала обоих детей с той беззаветной нежностью, на которую способны одни только матери.

* * *

Но тревога и предчувствия боярыни Ксении Ивановны были не напрасны.

В то время как в женском тереме она с золовками любовалась своими ребятишками, в столоной избе, после того как слуги внесли и расставили на столе несколько перемен яств и напитков, завязалась между хозяевами и гостями самая оживленная беседа.

Не прикоснувшись к жареным лебедям, курам, уткам и рябам, со всевозможными взварами и подливками всякого рода, к подовым пирогам, лепешкам и мясным студням (день был скоромный), к бесчисленным похлебкам, подававшимся после жаркого и обильно покрывавшим стол, осушив одним духом кубок с заморской романеей, Федор Никитич, хозяйин дома, произнес, обращаясь к молча угощавшимся вокруг стола гостям, предварительно движением руки выслав из горницы челядь:

— Неладное затевает что-то нынче ворог наш, окольный Годунов, Семен Никитич. Намедни в передней государевой такое отмочил он брату Александру слово, что не будь то в дворцовой палате, кажись, не сдержаться мне, и света Божьего неувидеть бы охульнику...

— Твоя правда, братец, — произнес обычно спокойный и добродушный, теперь же крайне взволнованный второй Никитич. — Осмелился он, — обратился Александр к внимательно слушавшим его с братом присутствующим, — дерзнул такую зацепу мне пустить, когда я вместе с братом и Шуйским, князем Васильем, да Воротынским-стариком завели беседу о датском королевиче Ягане, что следует сюда для брака с царевной Ксенией, буде али не буде королевич перед честным венцом переходить в нашу веру, такое слово молвил: «Не заморские, говорит, не крещеные по нашему обряду принцы страшны, боярин Александр Никитич, а свои московские бояре куды страшнее, которые на царскую державу зубы точат да на здоровье государево зло умышляют, вот те поистине страшны!»

— А ты что же отвечал на это, брат? — вырвалось у молодого несдержанного Михаила Никитича на всю стольную горницу.

— Отвечал я за него, што нет у великого государя врагов ноне, а верные слуги одни стоят у кормила правления, а что ежили ведает про какую там измену он, Семен Годунов, так пушай о том оповестит нас всех, и мы разделаемся сами с изменниками царскими. Вот что я отвечал ему вместо Александра — так старший брат закончил свою речь.

Красавец Михаил так и подскочил на месте.